

И.Е. Троицкий

Арсений, патриарх Никейский и
Константинопольский, и арсениды

Опубликовано:
Христианское чтение. 1869. № 12. С. 1012-1048.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

АРСЕНІЙ

ПАТРИАРХЪ ИНБЕЙСКІЙ И КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ,

и

АРСЕНИТЫ.

(Къ исторіи восточной церкви въ XIII вѣкл).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ)

Гораздо болѣе вліянія на дальнѣйшую судьбу арсеніанскаго движенія имѣло другое событіе, совершившееся въ слѣдующемъ 1274 г. Это—ліонская унія. Что она была дѣломъ чисто политическихъ расчетовъ императора Михаила Палеолога, въ этомъ въ настоящее время не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Но на сколько въ этихъ расчетахъ имѣли мѣсто внутренніе затрудненія, вызванныя арсеніанскимъ движеніемъ, это не можетъ быть опредѣлено даже приблизительно. Во всякомъ случаѣ можно принять за вѣрное, что если и имѣли, то очень скромное. Правда, во время возникшихъ для него затрудненій, вслѣдствіе наложеннаго патриархомъ Арсеніемъ отлученія, онъ неоднократно грозилъ архіереямъ греческимъ обратиться къ папѣ за раз-

рѣшеніемъ; но въ серьёзность этой угрозы и самъ онъ не могъ вѣрить, такъ какъ очень хорошо зналъ, что папское разрѣшеніе въ глазахъ греческаго народа значило еще менѣе, чѣмъ разрѣшеніе его духовника Іосифа. Угроза эта имѣла и могла имѣть одну только цѣль— напугать архіереевъ, а чрезъ нихъ и Арсенія, перспективой не желанныхъ для нихъ сношеній съ Римомъ и побудить послѣдняго къ бѣльшей уступчивости. По удаленіи же Арсенія онъ уже ни разу не возвращался къ этой угрозѣ. Равнымъ образомъ когда завязалось дѣло объ униі съ Римомъ, въ числѣ побужденій къ этой униі онъ ни разу не упомянулъ о надеждѣ при посредствѣ ея подавить арсеніанскій расколъ, а постоянно и неизмѣнно указывалъ на коалицію западныхъ державъ противъ имперіи, какъ на единственное побужденіе къ униі, представлявшейся ему лучшимъ и единственнымъ средствомъ устранить отъ имперіи опасности, которыми она ей угрожала. Значить въ его глазахъ внѣшняя опасность, и именно угрожавшая съ запада, была гораздо серьёзнѣе опасности внутренней, созданной арсенитами. Да иначе и не могло быть. Арсеніанская агитація, при отсутствіи опредѣленнаго плана, единства въ дѣйствіяхъ и опытной руководящей руки, могла быть для него опасна только относительно, — т. е. при извѣстномъ только настроеніи народа; тогда какъ коалиція западныхъ державъ, силу которыхъ не разъ уже испытывала на себѣ имперія, была для него опасна безусловно. Пригомъ она была направлена на Константинополь, на обладаніи которомъ онъ главнымъ образомъ и основывалъ права своей династіи на похищенный престолъ, такъ что съ нею она держалась и падала. И въ самомъ дѣлѣ если бы, въ случаѣ очень возможной потери этого го-

рода, ему пришлось снова возвратиться въ Никею; то, при доказанномъ сочувствіи никейцевъ къ послѣднему представителю низложенной династіи и при успѣхахъ здѣсь арсеніанской пропаганды, удержаніе престола превратилось бы въ вопросъ. Притомъ внутренняя опасность, созданная арсенитами, не вызывала неизбежно опасности вѣшной со стороны запада: между тѣмъ какъ опасность вѣшняя неизбежно питала и поддерживала опасность внутреннюю: успѣхъ вѣшной коалиціи неизбежно усиливалъ бы недовольство и раздраженіе въ народѣ, привыкшемъ искать послѣдняго источника и своего благоденствія и своихъ несчастій въ личностяхъ своихъ государей, усиливалъ бы и дерзость агитаторовъ и при народномъ раздраженіи дѣлалъ бы ее очень опасною. А такъ какъ размѣры внутреннихъ опасностей обуславливались въ очень сильной степени опасностями вѣшними, но не на оборотъ: то и естественно, что послѣднія должны были занимать первое мѣсто въ политическихъ соображеніяхъ Михаила Палеолога, разрѣшившихся лѳонской уніей. Внутреннія же опасности могли имѣть въ нихъ мѣсто настолько, насколько были связаны съ вѣшными, т. е. насколько устраненіе первыхъ могло способствовать ему къ устраненію послѣднихъ. Въ этомъ смыслѣ мы готовы допустить, что, при обсужденіи мотивовъ къ уніи, приходило иногда императору на мысль, что, отстранивши посредствомъ ея затрудненія со стороны запада, онъ гораздо легче могъ справиться съ внутренними затрудненіями. Но мы должны сказать, что для современныхъ историковъ этого мотива не существуетъ.

Какъ бы впрочемъ ни было, но унія состоялась и во многомъ измѣнила положеніе арсеніанской фракціи.

Она затронула и вызвала къ жизни болѣе широкіе, общіе и существенные интересы греческой церкви, чѣмъ тѣ, которые отстаивала арсеніанская фракція, — она затронула коренную основу ея — православіе. Ліонской уніей императоръ греческій, для спасенія цѣлости имперіи и своей династіи, принесъ въ жертву Риму то, чѣмъ болѣе всего дорожилъ его народъ, — именно православіе. Этотъ фактъ, возмутившій до глубины души національное чувство грековъ, заставилъ ихъ позабыть на время объ арсенитахъ и ихъ борьбѣ съ правительствомъ и обратить все свое вниманіе на одинъ этотъ пунктъ, — арсениты со своими интересами и счетами должны были отойти на время на задній планъ. Этимъ и объясняется странное на первый взглядъ молчаніе историковъ о дальнѣйшихъ цѣляхъ, намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ арсеніанской фракціи во все время съ провозглашенія ліонской уніи до смерти Михаила Палеолога. Имъ было не до арсенитовъ, и не до ихъ предположеній и дѣйствій; другія дѣла и дѣятели занимаютъ ихъ, — дѣла и дѣятели, связанные непосредственно съ новымъ интересомъ, затронутымъ уніей. Этотъ интересъ дѣлается — по крайней мѣрѣ на время — новою силою, управляющею судьбами православнаго востока.

Но оттѣсненные могучимъ народнымъ движеніемъ съ передовой позиціи на полѣ битвы, арсениты не оставили ее совершенно, не потерялись въ массѣ новыхъ бойцовъ, а продолжали сохранять и свое знамя и свою самостоятельность. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе члены лѣвой стороны раскола, т. е. знаменитые „сумконосцы и лохмотники“, дезертировали въ новый лагерь подъ сънъ болѣе широкаго и внушительнаго знамени, но несомнѣнно и то, что большинство ихъ сохраняло въ то же время

вѣрность и прежнему знамени и, смотря по обстоятельствамъ, поднимало то одно, то другое, то оба вмѣстѣ. Что же касается остальныхъ членовъ фракціи, то сохранилось положительное свидѣтельство о томъ, что послѣ ліонской уніи они тѣснѣе сблизились другъ съ другомъ, почували въ себѣ приливъ новыхъ силъ и удвоили свою агитацію противъ императора (1). До ліонской уніи была между ними партія умѣренныхъ, наружно мирившихся съ Іосифомъ и церковію, а послѣ нея и эта партія примкнула къ „рьянымъ ревнителямъ“ Арсенія и отвернулась отъ всего, что было не за него (2).

Въ виду опасности, которою угрожало спеціальнымъ интересамъ арсеніанской фракціи новое народное движеніе, обнаруженная арсеніанами тревожная энергія совершенно понятна. Имъ предстояло одно изъ двухъ, — или увлечься волнами этого новаго движенія и исчезнуть въ немъ, или овладѣть имъ и дать ему направленіе сообразное съ своими спеціальными цѣлями. Чувство самосохраненія заставляло ихъ употребить все усилія къ тому, чтобы избѣжать перваго. А на пути къ послѣднему они встрѣтили почти неодолимые препятствія частію въ характерѣ и размѣрахъ новаго движенія, частію въ новыхъ дѣятеляхъ, вызванныхъ этимъ движеніемъ и претендовавшихъ на руководительную роль въ немъ. Ввести могучій порывъ народнаго духа въ тѣсныя рамки, очерченныя спеціальною задачею партіи, значило почти тоже, что вводить бурную много-

(1) Pashum. Andron. Palaeolog. lib. 1, c. 12, p. 23—24, ed Venet.

(2) Хотя некоторые и послѣ провозглашенія уніи колебались между вѣрностью Арсенію и признаніемъ Іосифа, въ виду сопротивленія послѣдней уніи, сильно говорившаго въ его пользу. См. предлагаемое ниже письмо Каллиста къ Мануилу, епископу вессалоникскому.

водную рѣку въ берега узкаго ручья. И при этомъ приходилось еще вести борьбу съ лицами, созданными самимъ же этимъ движеніемъ и поставленными въ челѣ его. Но жребій былъ брошенъ. Для арсенитовъ не было другаго выхода.

Народное движеніе противъ уніи началось гораздо раньше ея формальнаго провозглашенія въ церкви большаго дворца въ Константинополѣ 16 января 1275 г. Начало его можно возводить ко времени первыхъ серьезныхъ попытокъ императора втянуть греческое духовенство въ свои уніональные планы, — именно къ 1272 г. По крайней мѣрѣ къ этому времени относятся первые извѣстные намъ публичные протесты противъ уніи и первыя насильственные мѣры императора, обозначившія собою переходъ отъ словъ къ дѣлу. Замѣчательно, что первый открытый протестъ противъ уніи сдѣланъ былъ арсенитомъ — риторомъ Оловомъ (1). Не входя

(1) Мануиль Оловоль, „очень молодой человекъ, состоявшій въ штатѣ придворныхъ грамматиковъ (*ἡκιδεῖς ὡς ἔστι καὶ εἰς τοὺς οἰκείους τότε τέλειοντα ὑποκριτικούς*)“, за сочувствіе къ ослѣпленному Іоанну былъ лишенъ носа и губъ, по приказанію Палеолога, вслѣдствіе чего и долженъ былъ „одѣваться и вступить въ монастырь Предтечя (Нахим. стр. 176)“. Сдѣланный впоследствии, по ходатайству патріарха Германа (тамъ же стр. 260), начальникомъ патріаршей школы, онъ оказалъ не мало услугъ дѣлу церковнаго образованія. Последняя милость, оказанная ему императоромъ чрезъ патрарха, по видимому, примирила его и съ своимъ несчастіемъ и съ императоромъ: нѣкоторое время онъ казался даже сторонникомъ уніи (см. Нахим. стр. 243); но... вотъ что съ нимъ случилось: „Былъ день собранія въ священныхъ царскихъ палатахъ — продолжимъ словами Нахимера, — и на священное собраніе явились іеромонахи, священники и монахи, сколько находилось ихъ въ городѣ. Пришелъ и патріархъ и весь соборъ. Предметомъ разсужденія былъ тотъ, занимавшій всѣхъ миръ (унія съ Римомъ). Когда всѣ усялись и двое приверженцевъ царя — архидіаконъ Мелитіонъ и Протоапостоларій кипрскій (Григоръ и впоследствии патріархъ) удостоены были чести занять мѣста, — Григоръ Оловоль стоялъ и ожидалъ отъ царя позволенія сѣсть. Такъ какъ ему не было указано кресло, то онъ вышелъ въ другую комнату

въ разборъ случайныхъ побужденій, руководившихъ въ данномъ случаѣ Оловола, мы однакожь не можемъ при-

и съязь. Потому, когда начали разсуждать и стали нехвалить риторика, считая полезнымъ его присутствіе, онъ позванъ былъ и, чувствуя нанесенное себѣ безчестіе, предсталъ предъ царя не съ видомъ кротости, — на вопросы не отвѣчалъ; и между тѣмъ, какъ царь надвигая найти въ немъ поддержку (на первомъ засѣданіи по этому вопросу Оловола, по замѣчанію Пахимера, *слегка говорилъ въ пользу царя* стр. 343) своихъ мнѣній, тотъ совершенно измѣнилъ прежній образъ мыслей и объявилъ царю противное, утверждая, что никогда не согласится на предложенное требованіе. Царемъ вдругъ овладѣла ярость, и онъ разразился крикомъ: ты всегда непріязненъ царю и постоянно мѣняешься въ своихъ мысляхъ — не по другой какой причинѣ, а только по своей ко мнѣ ненависти, которая написана у тебя на носу, напоминающемъ тебѣ о понесенномъ наказаніи. Выпеденный изъ себя непомятою страстію честолюбія и раздраженный вмѣстѣ мыслию о своемъ униженіи, риторъ высказалъ дѣйствительную причину испытаннаго наказанія: причина состояла въ томъ, говорилъ Оловола, что онъ былъ преданъ малолюбимому царю Іоанну. Едва онъ сказалъ это, какъ приверженцы царя... бросились... и хотѣли растерзать его... Но царь... сослалъ его въ Никею (Пахим. стр. 361, 362)*. Какъ ни случайно представляется здѣсь оппозиція Оловола униональнымъ планамъ императора; но она была бы не мыслима при серьезномъ его убѣжденіи въ законности уніи и при искреннемъ примиреніи съ императоромъ. Очевидно до тѣхъ поръ онъ маскировалъ свои истинныя отношенія къ уніи и царю, оставаясь въ душѣ враждебнымъ и той и другому.

Отъ Оловола осталось полемическое сочиненіе, направленное противъ уніи, подъ названіемъ: *Ἀπολογία καὶ ἀκρόασις τῶν κεφαλαίων τοῦ εὐαγγελλίου*, оно помѣщено у Муана въ его *Varia sacra. Lugd. Batavor. MDCLXXXV* р. 268—293. У Муана, какъ письмо Франциска, такъ и отвѣтъ на оно Оловола, помѣщены вмѣстѣ; вмѣстѣ же находятся они и въ нѣкоторыхъ рукописныхъ кодексахъ (какъ напр въ кодексѣ Водлейянской бібліотеки подъ № 3377, въ кодексѣ I. Сельдена № 3 и 6, и въ той же Водлейянской бібліотекѣ въ кодексѣ подъ № 291 между рукописными кодексами Оливера Кромвеля 115 num. 3, цитуемыхъ Удиномъ въ своемъ *Commentario de scriptor. et scriptis ecclesiasticis*, t. III, р. 477, равно какъ и въ сборникѣ греческихъ рукописей, хранящихся въ Московской синодальной бібліотекѣ, подъ № CCCXI по *Accurata codicum graecorum MSS. bibl. Mosquensium S. Synodi notitia et recensio* Chr. de Matthiae, t. I. Lipsiae 1805, р. 202). Кроме того хранятся въ рукописныхъ сборникахъ разныхъ бібліотекъ и другія сочиненія, носящія на себѣ имя Оловола, кивовы: а) *Manueli Holoboli Rheroris Rhetorum versus politici in Michae*

знать этого факта совершенно случайнымъ, не имѣющимъ никакой связи съ общимъ дѣломъ арсенитовъ. Оппозиція императору на этомъ пунктѣ должна была прямо входить въ программу арсенитовъ, такъ какъ съ одной стороны она давала имъ новое оружіе противъ него, съ другой открывала для нихъ возможность явиться въ новой очень важной по обстоятельствамъ времени роли защитниковъ православія.

Еще болѣе замѣчательно то, что Оловоль находился въ то же время въ сношеніяхъ съ извѣстными тогда сторонниками Іосифа, — и именно съ правою рукою его монахомъ Яситомъ Меліемъ, — что въ послѣдствіи объединило ихъ въ позорномъ триумфѣ, устроенномъ для нихъ императоромъ (1). Это объясняется тѣмъ, что Оловоль принадлежалъ къ умѣренной партіи въ расколѣ, пред-

elem Palaeologum Imperatorem — въ греческомъ кодексѣ библіотеки Кольбертинской подъ № 6044; и b) *Versus politici XXV de vanitate et instabilitate vatum hujus vitae omnium et c.* (Не есть ли это одно и то же сочиненіе съ предыдущимъ?) въ кодексѣ Барокчіанскомъ подъ № 125. Vid. Удина lib. cit.

(1) Вотъ какъ описываетъ этотъ триумфъ Пахимеръ: „не прошло еще и года послѣ того, какъ поднятый вопросъ о соединеніи (съ западною церковью) всколебалъ души восточныхъ христіанъ. Царь, пользуясь нисколько неприличными ему доносами, услышалъ уже, что риторъ (Оловоль) отказывается принять предписанное соглашеніе, и, находя въ этомъ удобный случай — его наказать, а насъ убѣдить, что онъ стѣбитъ такого наказанія, дать приказъ привести его въ городъ въ оковахъ, и сперва подвергнуть жестокимъ и безчеловѣчнымъ пыткамъ, а потомъ устроить слѣдующій новый триумфъ. Онъ велѣлъ надѣть на шею длинныя веревки, сперва ему, затѣмъ второму — Яситу Мелію, и такъ далѣе подъ рядъ до десяти человѣкъ, а на концѣ всѣхъ — племянницъ его, какъ будто за чародѣйство; потомъ первыхъ двухъ велѣлъ обвѣшивать овечьими внутренностями со всѣми находившимися въ нихъ нечистотами, за то будто они не покорны царю, а ритора сверхъ того приказалъ постоянно бить по устамъ овечьими печенями и въ такой торжественной процессіи водить ихъ по всему городу, около же церкви подвергать ихъ еще большому безчестію, угрожая чрезъ это духовнымъ лицамъ и наводя на нихъ страхъ“, стр. 363.

ставители которой простирали свое внешнее общеніе съ Іосифомъ до солидарности на тѣхъ по крайней мѣрѣ пунктахъ, на которыхъ самъ Іосифъ расходился съ императоромъ (1). А то обстоятельство, что солидарность Оловола съ Іосифомъ и его приверженцами на пунктѣ сопротивленія уніи не встрѣчала порицанія со стороны арсенитовъ, даетъ право заключать, что они на пер-

(1) Еще замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи другой примѣръ. Пякто Іоанинкій Терникакоцулъ, ревностный арсенитъ, „явно отдѣлявшійся отъ Іосифа“, не затруднился предложить свои услуги этому патріарху и его партіи для составленія письменнаго отвѣта на записку, составленную придворными богословами въ оправданіе предположенной уніи и, по приказанію императора, присланную патріарху съ требованіемъ отвѣта. Пахим., стр. 348.

Весьма вѣроятно, что этотъ „отвѣтъ“ составляетъ одно и то же съ „апологіей“ патріарха Іосифа, хранящейся доселѣ въ рукописяхъ (именно въ кодексахъ подъ № ССLXXXI Вѣнской библиотекѣ. Vid. С. Oudini, Comment. de scriptoribus et scriptis ecclesiasticis, т. III, р. 468). По крайней мѣрѣ, по своему содержанию, на сколько оно можетъ быть понято изъ заглавія и изъ нѣсколькихъ отрывковъ, приведенныхъ Гергенрётеромъ, во II и III том. своего Photius Patriarch v. Constantinopel, онъ долженъ былъ весьма близко походить на эту апологію. Вотъ ея заглавіе: *Ἀπολογία τοῦ παναρχιερατικῆ καὶ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου κροῦ Ιωσήφ ἐπὶ τοῖς προβληθεῖσι ὑπερτῶν λατίνων ἐπὶ τῶν ἡμερῶν τοῦ θεαμεγαλοδουλοῦ καὶ αὐτῆ βασιλέως Μιχαὴλ καὶ Θεοδοῦρας ἐμπροσθεῖσα τῷ ἱερομονάχῳ ἰωβ τῷ μηθρῷ τοῦτε διὰ τῆς τοῦτε παρακλεῦσεως, καὶ δικαίως μὴ δεῖν εἶναι, μήτε τῶν πρωτεῶν ὡς ἀρχιερεῖ τῷ Πάπῃ παροχωρεῖν, μήτε ἐκκλητῶν τοῦτε διδοῦναι, μήτε ἀναφέρειν ἐν τοῖς ἱεροῖς βιβλίοις αὐτῶν ἕως ἀνείρηται τὰ καινοτομηθέντα τῇ Ἐκκλησίᾳ τῆς προαβητέρας Ῥώμης καὶ τὰς αὐτῶν ποτέρων παραδόσεις, καὶ τὰ θεσπίσαστα... etc.* Что она приписывается здѣсь исключавшему Ясенту, это весьма легко можетъ быть объяснено тѣмъ, что, по словамъ Пахимера, ему принадлежала главная роль при составленіи означеннаго „отвѣта“ (Vid. loco cit.). Непосредственное обращеніе къ императору, обращеніе, которымъ она начинается, говоритъ также за ея тождество съ „отвѣтомъ“, который, какъ непосредственно представленный императору, и не могъ иначе начинаться. Вотъ ея начало въ извлеченіи Удина: *Κράτιστε, Θεοτάτες, Θεοφιλέριστε, Θεοδόξετε ἅγιε Λέσκοτα μὲ καὶ β σιλῆῦ, χάριον, εἰρήνην, ἔλεος, εὐσπλαγίστου γνάτης, καὶ ὑστερας μακρομενοστάτην ἀπολογεῖται ἡ μετρούτης ἡμῶν παρὰ τοῦ εἰρηνάσχη Χριστοῦ etc.* Наконецъ изъ сказанной современныхъ историковъ не видно, чтобы Іосифъ писалъ въ свою защиту и подавалъ императору какое либо другое сочиненіе кромѣ известнаго „отвѣта“.

выхъ порахъ не находили ничего особенно зазорнаго во внѣшнемъ союзѣ съ своими противниками для защиты одинаково дорогаго тѣмъ и другимъ православія противъ угрожавшей ему опасности. Притомъ сближеніе съ Іосифомъ на тѣхъ пунктахъ, на которыхъ онъ расходился съ императоромъ, могло входить и въ спеціальныя цѣли фракціи—она могла рассчитывать посредствомъ этого сближенія укрѣпить рознь между патріархомъ и императоромъ, поссорить ихъ другъ съ другомъ,—что во всякомъ случаѣ могло быть выгодно для нея. Правда, это было не благовидно; но какая же партія затрудняется въ выборѣ средствъ, когда дѣло идетъ о борьбѣ съ противницей?

Но съ другой стороны несомнѣнно и то, что этотъ внѣшній союзъ нѣкоторыхъ умѣренныхъ членовъ фракціи съ ея противниками, былъ крайне непродолжителенъ. Онъ едва ли пережилъ первыя минуты негодованія, пробужденнаго въ тѣхъ и другихъ первыми насильственными дѣйствіями императора. Не могъ онъ быть продолжителенъ потому, а) что строгіе арсениты никакъ не могли простить Іосифу его поведенія относительно Арсенія, б) — перѣшительное положеніе, принятое на первыхъ порахъ Іосифомъ относительно проектируемой униі (¹), не

(¹) Колебаніе и перѣшительность его были такъ велики, что его приверженцы принуждены были помочь ему искусственно. „Монахъ Іовъ Іаситъ, видя безпокойство патріарха (Іосифа) и опасаясь, какъ-бы онъ, ослабѣвъ, не отказался отъ своей настойчивости, придумалъ способъ укрѣпить его мысли. Онъ предлагаетъ ему совѣтъ—написать окружное посланіе и разослать его во все мѣста къ лицамъ благочестивымъ, а для удостовѣренія присоединить и клятву, чтобы они не уклонялись въ сторону латинянъ, но были тверды, чтобы не вѣрили также, будто патріархъ ослабѣваетъ и такимъ образомъ готовъ увлечь ихъ куда ему угодно, лишь бы принять отъѣлвшихся прежде. Убѣжденный этими словами, іерархъ позволяетъ изложить дѣло, и бумага въ скоромъ времени была готова. Но прежде чѣмъ послали ее, патріархъ пожелалъ спросить архіереевъ и узнать, будутъ ли они стоять до конца. Для этого окруж-

могло нравиться не только строгимъ, но и умѣреннымъ арсенитамъ, и в) — арсениты не могли не понимать, что ихъ дальнѣйшія цѣли и стремленія совершенно расходятся съ цѣлями и стремленіями защитниковъ православія, сгруппировавшихся вокругъ Іосифа. И потому хотя не сохранилось положительныхъ свидѣтельствъ ⁽¹⁾, тѣмъ не менѣе, мы кажется не ошибемся, если предположимъ, что еще до формальнаго провозглашенія уніи арсениты въ своей оппозиціи ей шли врозь съ іосифитами, не смотря на то, что интересы тѣхъ и другихъ были совершенно солидарны на этомъ пунктѣ.

А когда унія состоялась и была провозглашена формально, когда патріархъ Іосифъ, послѣ долгихъ колебаній и нерѣшительности и благодаря искусственнымъ помочамъ своихъ приверженцевъ, волей-не-волей сталъ наконецъ во главѣ ⁽²⁾ ея противниковъ, когда народное посланіе патріарха прочтано было въ общемъ собраніи, и потомъ предложенъ вопросъ: устоятъ ли они въ этомъ? Архіереи тотчасъ изъяснили свое согласіе и засвидѣтельствовали его собственноручными подписями, кромѣ немногихъ, болѣе предусмотрительныхъ. Затѣмъ бумага была скрѣплена и запечатана. Когда это посланіе было разослано, патріархъ *по необходимости* не могъ ничего переимѣнить, что бы ни случилось; ибо связанъ былъ клятвою, а потому объявилъ всѣмъ, да говорилъ и царю, что онъ и самъ не начнетъ и другимъ не будетъ содѣйствовать въ пользу принятаго намѣренія (Шахимъ, стр. 350—351)⁴.

Не желая употреблять насилія относительно своего бывшаго духовника, императоръ, во время переговоровъ объ уніи, заключилъ съ Іосифомъ условіе, по которому патріархъ обизывался добровольно отказаться отъ престола, если унія состоится.

⁽¹⁾ Если не принимать во вниманіе известнаго завѣщанія, приписываемаго Арсенію, гдѣ арсениты прямо представляются единственными законными представителями и защитниками православія отъ латинства. Да иначе они и не могли смотрѣть на себя, если хотѣли быть послѣдовательными, а такой взглядъ необходимо долженъ былъ привести ихъ къ антагонизму іосифитамъ и въ дѣлѣ защиты православія.

⁽²⁾ Не смотря на условіе, заключенное съ императоромъ, когда дѣло дошло до исполненія, у Іосифа не достало духа разстаться съ престоломъ и онъ упрямо сталъ отказываться отъ выполненія условія, такъ

ная масса въ первомъ порывѣ негодованія противъ уніи забыла всѣ недостатки и слабости низложеннаго патріарха, провозгласила его мученикомъ православія и слѣпо устремилась за нимъ и его приверженцами, тогда арсениты уже ясно увидѣли, что для нихъ и для ихъ дѣла наступила критическая минута, увидѣли, что общественное вниманіе, поглощенное новымъ народнымъ интересомъ, затронутымъ уніей, дѣлается съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе равнодушнымъ къ нимъ и ихъ „ревности“, что народное движеніе, вызванное этимъ интересомъ и управляемое ихъ соперниками, готово совершенно отбросить ихъ со сцены, поняли, что они стоятъ совершенно особнякомъ, не могутъ пристать ни къ противникамъ уніи, ни къ ея сторонникамъ, не пожертвовавши всѣми своими спеціальными интересами, не отрекшись не только отъ своего прошедшаго, но и отъ будущаго... поняли и собрали всю свою энергію, всѣ свои силы, чтобы не дать новому движенію поглотить себя, не дать своимъ противникамъ посмѣяться надъ собою а, если можно, то и овладѣть самымъ движеніемъ и направить его противъ своихъ недруговъ.

Но какъ это сдѣлать? Положеніе ихъ было менѣе выгодно, чѣмъ положеніе обѣихъ враждебныхъ имъ партій. Та и другая изъ нихъ имѣла на своей сторонѣ патріарха, а уніональная партія кромѣ того — и правительство и всю оффиціальную церковь, и потому обѣ имѣли возможность выдавать себя за истинную церковь въ глазахъ народа, который не могъ представить себѣ

что вынудялъ императора предложить дѣло на разсмотрѣніе епископовъ, которые и присудили его къ лишенію престола (Пахия., стр. 368). Въ этихъ двухъ фактахъ видны весь Іосифъ — слабый, безхарактерный, неспособный ни къ какой инициативѣ, а — къ одному лишь пассивному сопротивленію.

церкви безъ патріарха. Между тѣмъ на сторонѣ арсенитовъ въ это время не было уже патріарха, а было два-три епископа (1), — если считать и отказавшагося

(1) Мануиль Θεσσαλονικεύς, раздѣлившій протестъ Андроника Сардскаго послѣ добровольнаго удаленія Арсенія съ престола и вытѣхавшій за границу (Пахм., стр. 110), въ это время снова занималъ свой престолъ (возвращенный ему, впрямую, во время вторичнаго патріаршества Арсенія), продолжая оставаться вѣрнымъ памяти Арсенія, какъ это видно изъ дошедшаго до насъ письма къ нему нѣкоего Каллиста. Письмо это писано на второй годъ послѣ удаленія Юсефа отъ престола, следовательно въ 1276 г., и проливаетъ не мало свѣта на взаимныя отношенія арсенитовъ и юсефитовъ. Вотъ отрывокъ изъ него, занимаемый нами изъ *Ἱστορία τοῦ σχίσματος τῆς λατινικῆς ἐκκλησίας ἀπὸ τῆς ἐπιβολῆς ἑλληνικῆς ὑπὸ Α. Δικητραχολεῶν. Ἐν Λειψία 1837. σελ. 68. 69* (Подлинникъ хранится между рукописями Вѣнской библиотекы): *Ὅτις ἡ ἀνωταύτη σου ὡς ὁ παναγιώτατος θεσπίτης καὶ ἀδελφός ἡμῶν, ὁ αἰνεματός πατριάρχης κύριος Ἀρσένιος μετέβη πρὸς κύριον, τὰ τῶν πόλων ἐκείνων ἀφορμῶς πρὸς αὐτοῦ ὡς οὐ μνηστὸς φανώμεθα ταῖς ἐχέρσιν καὶ τοῦ προσήκοντος διατάμενος, εἰ κοινωνήσωμεν τῷ κυρίῳ Ἰωσήφ τῷ γενεαίῳ πατριάρχῃ, καὶ τῆς πατριαρχίας ἐβλήθημεν ἀπὸ πέρας διὰ τὸ μὴ θελήσει κοινωνῆσαι τῷ τῆς πρωτεύουσας Ρώμης Πάπῃ... Εἶπε ἡμῖν τὸ ἀγαθὸν κοινωνήσωμεν τῷ κυρίῳ Ἰωσῆφ, καὶ μήποτε οὐ ἐκτεμνῶμεν πρὸς ἕξορῶν διὰ τὴν δαδοτομίαν τῆς πίστεως, т. е. «святыня твоя вѣдаетъ, что святѣйшій владыка и госводинъ нашъ вселенскій патріархъ киръ Арсеній представилъ ко Господу, чтобы воспріять отъ Него награду за (свои) подвиги: итакъ не окажемъ ли мы въ глазахъ благомыслящихъ людей заслуживающими порицанія и забывшими свой долгъ, если вступимъ въ общеніе съ киръ Юсефомъ, который былъ сдѣланъ патріархомъ, и въ прошломъ году низложенъ за нежеланіе войти въ общеніе съ папою ветхаго Рима... Скажи намъ по сущей справедливости: ветушать ли намъ въ общеніе съ киръ Юсефомъ, и особенно теперь, когда онъ отправленъ въ ссылку за правосмысліе въ вѣрнѣ?» Что отвѣчалъ на это письмо Мануиль, мы не знаемъ. Не знаемъ также и того, былъ ли живъ въ это время александрійскій патріархъ Николай, „отсѣченный“ отъ церкви о.о. Константинопольскаго собора 1266 г. за несогласіе на низложеніе Арсенія, и если былъ живъ, то какъ относился онъ къ арсенитамъ? Извѣстный историкъ Ниль на томъ основаніи, что въ 1270 г. на александрійскомъ патріаршемъ престолѣ сидѣлъ уже Аванасій, заключаетъ, что Николай въ этомъ году скончался; но такъ какъ Аванасій могъ смѣнить въ этомъ году Николая и не вслѣдствіе смерти послѣдняго, а низложенія, или добровольнаго удаленія его; то мы и не можемъ принять вывода, сдѣланнаго изъ этого факта Нилемъ. Впрочемъ и самъ Ниль не настаиваетъ на своемъ выводѣ. Vid. A history of the holy eastern church. by Neale. London. M.DCCCXLVII. Vol. II. 312.*

отъ своей каведры и сана Андроника Сардскаго,—да и тѣ скрывали свою принадлежность къ партіи. Въ личномъ духовенствѣ, составленномъ большею частію во время патріаршества Іосифа, частію чрезъ непосредственную хиротонію этого патріарха, частію чрезъ посредство лицъ, имъ хиротонисанныхъ, и потому болѣе или менѣе связанномъ съ Іосифомъ, они имѣли мало сторонниковъ. Оно массой объявило себя за Іосифа (1). Больше насчитывали они приверженцевъ между монашествомъ—особенно мало-азійскимъ, гдѣ цѣлыя монастыри принадлежали къ ихъ фракціи, но за то монастыри европейскіе,—одни объявили себя за Іосифа и православіе, другіе — и между ними знаменитая аѳонская гора (2)—просто за православіе. Такимъ образомъ борьба

(1) Григора ставитъ сопротивленіе духовенства униі въ прямую связь съ сопротивленіемъ Іосифа и его удаленіемъ: „послѣ сего понятно, говорятъ онъ, почему и все вообще духовенство не хотѣло успокоиться и старалось отшатнуть народъ отъ царя, говоря, что наступило время мученичества и побѣдныхъ вѣнцовъ“. Григ., стр. 119—120.

(2) Между рукописями Московской синодальной бібліотеки сохранилась одна, носящая слѣдующее заглавіе: *Διήγησις περὶ τῶν ἀλιτροφθέντων ἀπὸν πατέρων ἐν τῇ ἀλῶν ἕξει τοῦ Ἀθωῦν ἡ Μιχαὴλ βασιλεὺς τοῦ λυτινῶντος καὶ τῶν ἐν αὐτῇ λυτινῶν καὶ κατινοφθέντων* (т. е. повѣствованіе о св. отцахъ, на св. горѣ Аѳонской избѣнныхъ лагиномудрствующимъ царемъ Михаиломъ и находившимися съ нимъ латинянами и латиномудрствующими). Въ этомъ повѣствованіи (оно не печатано въ книгѣ о Деметриѣ Копулу *Ἱστορία τοῦ σχίσματος... τ. 70—74*) разсказывается о погромѣ, произведенномъ будто бы (другіе писатели не подтверждаютъ этого факта) Михаиломъ Палеологомъ на аѳонской горѣ надъ тѣми монастырями и монахами, которые отказались принять унию. Историческое значеніе этого сказанія ничтожно. Оно наполнено анахронизмами и сказками, свидѣтельствующими о невѣрности источника, изъ котораго почерпнулъ свои свѣдѣнія авторъ. Изъ ссылки на *προβλεπὸς τῶν*, составленный на вѣрушеческомъ соборѣ 1283 г. при Андроникѣ старшемъ, видно, что оно и писано послѣ этого собора; изъ явного искаженія фактовъ (к-ково напр. извѣстіе о миномѣ путешествіи Михаила Палеолога вмѣстѣ съ патріархомъ Веккомъ въ Италію, для принятія униі и отнесеніе путешествія Палеолога на аѳонскую гору въ 1285 г., между тѣмъ, какъ въ концѣ

съ этой партіей, и притомъ борьба, имѣвшая характеръ не совсѣмъ благовиднаго соревнованія, не могла обѣщать большихъ успѣховъ.

Не больше было шансовъ на успѣшное состязаніе и съ правительственной партіей. Сознавая важность момента, императоръ употребилъ всѣ усилія въ тому, чтобы дать ей возможно лучшую организацію. Церковнымъ главою ея онъ поставилъ человѣка, обладавшаго, кромѣ важной, внушительной наружности (что не мало значило въ глазахъ византійцевъ), обширнымъ

1282 г. его не было уже въ живыхъ), видно, что оно написано лицомъ, далекимъ отъ описываемыхъ событій, если не по времени, то по мѣсту, а изъ легендарнаго тона повѣствованія и явнаго желанія автора возвеличить подвигъ св. горы, можно заключать, что оно написано кѣмъ либо изъ ея иноковъ... Изъ сказанія этого мы узнаемъ, что неонскіе иноки, послѣ провозглашенія лѳонской уніи, послали императору Михаилу посланіе, въ которомъ заявляли свой протестъ противъ уніи и умоляли его отвергнуть ее. Это посланіе тоже сохранилось между рукописями московской синодальной бібліотеки вмѣстѣ съ повѣствованіемъ (*Ἱστορία τοῦ συζητήτου*; с. 70). Но ни въ повѣствованіи, ни въ посланіи нѣтъ ни малѣйшаго намѣка на какую либо солидарность аеонскихъ противниковъ уніи, какъ съ арсеніанской, такъ и съ іосифитской партіей. Это объясняется исключительнымъ положеніемъ св. горы въ то время. Со взятія Константинополя латинянами и до 1313 г. она находилась подъ властію папы и потому не могла стоять такъ близко къ личностямъ патріарховъ константинопольскихъ и принимать такого близкаго участія въ дѣлахъ константинопольской церкви, какое принимала послѣ этого года. Vid. I. Müller: Historische Denkmäler in d. Klöstern des Athos, in Miklosich, Slavische Bibliothek. B. 1. Wien. S. 123—147.

Имена аеонскихъ иноковъ, пострадавшихъ въ это время за православіе, внесены и въ аеонскій патерикъ (Слб. 1867, стр. 273—274) изъ пространной рукописной повѣсти—какъ объяснено въ подстрочномъ примѣчаніи издателями—на славянскомъ (въ Зографѣ) и греческомъ языкахъ. Въ Зографѣ—узнаемъ изъ этого же примѣчанія—есть даже книга подъ названіемъ „Рай мысленный“, въ которой между прочими статьями изложена и эта повѣсть. Изданіе валдайскаго иверскаго монастыря 7167 г., октября 28-го. Въ аеонскомъ патерикѣ она озаглавляется: „Преподобноумченики, пострадавшіе отъ латиномудренныхъ царя Михаила Палеолога и патріарха Вѣкка, за обличеніе ихъ въ ереси“, и занимаетъ всего двѣ страницы.

умомъ, замѣчательной эрудицей, даромъ слова и рѣдкими административными способностями, изощренными многолѣтнею опытностью. Это былъ извѣстный уже намъ великій хартофилакскъ Іоаннъ Веккъ (1). Искуснаго, опытнаго патріарха окружали, въ качествѣ его ближайшихъ помощниковъ, лучшіе богословы тогдашняго времени — архидіаконы Метохитъ (2) и Мелетині-

(1) Григора дѣлаетъ такой отзывъ о Веккѣ: „въ это время былъ хартофилаксомъ великой церкви нѣкто по прованію Веккъ, человекъ умный, витонецъ краснорѣчія и науки, надѣленный такими дарами природы, какими — нити изъ его современниковъ. Ростомъ, пріятнымъ и важнымъ лицомъ, свободно и плавною рѣчью, гибкимъ и въ высшей степени находчивымъ умомъ, всѣмъ этимъ природа щедро надѣлила его, какъ бы для того, чтобы имя его съ уваженіемъ произносили царя, правители и всѣ ученые... Правда, хотя греческою ученостью нѣкоторые превосходили его, но по гибкости ума, по оборотливости языка и знанію церковныхъ догматовъ, всѣ предъ нимъ казались дѣтьми (стр. 122 --123)“. Сначала онъ былъ противникомъ уніи, но потомъ сдѣлался ея сторонникомъ, потому ли, что ознакомился съ неудобствами „страшнѣйшей“ темницы, куда за сопротивленіе уніи былъ посаженъ вмѣстѣ со всѣми своими родными (Пахим. стр. 347. Григор. стр. 123), или потому, что лучше ознакомился съ сущностью „обвиненій“, которыми одна церковь осмыала другую и не нашелъ, чтобы онѣ могли служить достаточнымъ основаніемъ къ раздѣленію церкви, какъ утверждалъ послѣ самъ онъ (Vid. его сочиненіе *Περὶ τῆς ἐνώσεως καὶ ἐσθλότητος τῶν τῆς καλλιῆς καὶ νῆς Ῥώμης ἐκκλησιῶν* in scriptorum Graeciae orthodoxae bibliotheca selecta ed. Luchner, Friburgi Brisoviae. 1864; см. Пахим. стр. 350, 352) — рѣшить трудно.

Патріаршіи престолъ былъ объявленъ празднымъ и имя патріарха Іосифа перестали поминать на церковныхъ службахъ 9 января 1275 г. (Пахим. стр. 368), а Іоаннъ Веккъ возведенъ былъ на престолъ 2 мая того же года въ день Сшествія Св. Духа (Пахим. стр. 372 — 373). „Поставивъ его (Векка) на этотъ духовный постъ, прибавляетъ Пахимеръ, царь не много думалъ о церковномъ управленіи, но заботился о дѣлахъ свѣтскихъ; ибо зналъ, что Веккъ имѣетъ довольно опытности и различныхъ свѣдѣній, чтобы управлять церковію“. Нѣсколько ниже онъ называетъ патріаршество Векка „прекраснымъ“, стр. 415.

(2) Отъ него остались два полемическія сочиненія, изъ коихъ одно — направлено противъ Максима Планудиса, другое противъ Мануила критскаго, извѣстныхъ противниковъ уніи. Оба напечатаны въ сборникѣ Аляція (Graeciae Orthodoxae. Romae. 1652, во II-мъ томѣ, отрывки

оть (1) и протоапостоларій Георгій Кипрскій (2). Къ нему же примыкали волей-не-волей всѣ высшіе представители церкви и государства,—все, что было богатаго, знатнаго, чиновнаго,—представители высшей финансовой и чиновной аристократіи, люди, которымъ жаль было разстаться съ обеспеченными и вліятельными положеніями. Къ этой же партіи должно было присоединиться все, что было апатичнаго, коснаго, индифферентнаго къ высшимъ духовнымъ интересамъ, своекорыстнаго, пронырливаго... Словомъ на сторонѣ правительства были и умъ, и власть, и сила, и матеріальныя средства, и всѣ дурныя инстинкты толпы...

Составъ и средства арсеніанской партіи намъ уже извѣстны.

Борьба этихъ партій, при такомъ разнообразіи въ стремленіяхъ, обѣщала быть не совсѣмъ обыкновенною. И дѣйствительно, своимъ лихорадочнымъ одушевленіемъ и неразборчивостью въ средствахъ, она напомнила самыя шумныя времена борьбы ересей IV, V и VI вѣковъ.

Тонъ задавала уніональная партія, за которой, благодаря правительству, было преобладающее положеніе на полѣ битвы.

Ближайшій планъ дѣйствій императора и его партіи былъ основанъ на отношеніи двухъ оппозиціонныхъ

изъ третьяго сочиненія Метохита *Libri V de processione Spiritus sancti*, напечатаны въ сочиненіи *Alaxia de Purgatorio, Combatis Auctar. ad bibliothecam Patrum*; и въ сочин. *Alaxia Adversus Holtingerum*.

(1) Отъ него остались двѣ рчи объ исхожденіи Св. Духа: а) *De ecclesiastica unione Graecorum et Latinorum et de processione Spiritus sancti per Filium Oratio I* (*Graeciae Orthodoxae II*, p. 642—75; б) *De processione Spiritus sancti etiam ex Filio, Oratio II* (I. c., p. 765—941).

(2) По смерти Михаила Палеолога перешедшій на сторону противниковъ умія и возведенный на патриршій престолъ Андроникомъ старшимъ.

партій другъ къ другу. Притворившись равнодушнымъ къ энергической оппозиціи, съ которой была встрѣчена лѣонская унія сторонниками обѣихъ партій и народной массой, онъ повелъ хитрую интригу противъ первыхъ, имѣвшую цѣлью — отвлечь отъ нихъ послѣднюю. При враждебномъ отношеніи партій планъ этотъ обѣщаль, по видимому, благоприятные результаты. И вотъ многочисленные агенты, въ которыхъ византійскій дворъ никогда не встрѣчалъ недостатка, каково бы ни было употребленіе, для котораго они предназначались, — люди безъ совѣсти и убѣжденій, готовые служить всякому дѣлу, лишь бы оно хорошо оплачивалось, — разсѣялись повсюду интриговать всѣхъ и cadaго. Разборчивость въ средствахъ не входила въ программу этихъ людей. Изъ правительственной власти и денегъ они сдѣлали самое широкое употребленіе: „люди бѣдные были подкупасмы щедрыми подарками злонамѣренныхъ...“ „всякое беззаконіе отступниковъ (отъ православія) считалось ни во что“... Оппозиціонныя партіи отвѣчали на интриги правительственной интригами съ своей стороны, и такъ какъ эти интриги приходилось имъ вести въ разныхъ направленіяхъ — и противъ правительства и другъ противъ друга, то легко себѣ вообразить, какая происходила отсюда путаница. Эта путаница увеличивалась еще отъ того, что, — какъ всегда бываетъ при борьбѣ партій, — расплодился шпионы и наушники, злонамѣренно интриговавшіе не угодныхъ имъ — почему либо — людей. Такъ какъ многіе изъ нихъ служили всѣмъ партіямъ, изъ каждой извлекая свою выгоду: то сѣтъ интриги раскинулась, наконецъ, по всему государству; трудно было отличать своего отъ чужаго, врага отъ друга; стало тяжело дышать и опасно говорить: „кто,

подъ предлогомъ утвержденія себя въ вѣрѣ, тронулъ бы и поднялъ извѣстный вопросъ, тотъ—охъ какой получилъ бы насморкъ!“ восклицаетъ нашъ историкъ. „Но если, напротивъ, начинали въ чемъ—либо убѣждать его самого,—онъ долженъ былъ слушать скромно, показывая видъ, что дальше лопаты, заступа, да насущнаго хлѣба ничего не знаетъ“... (1). И если мы примемъ въ соображеніе то обстоятельство, что послѣднія нити этихъ перекрестныхъ интригъ держали въ своихъ рукахъ разные члены императорскаго семейства, — такъ какъ каждая партія имѣла своихъ патроновъ и милостивцевъ при дворѣ, снабжавшихъ ее и матеріальными и моральными средствами для борьбы, — то лихорадочная энергія, одушевлявшая всѣ партіи, будетъ для насъ вполне понятна.

Такъ какъ всѣ три партіи въ сущности употребляли православіе, какъ средство для достиженія своихъ спеціальныхъ цѣлей, отождествляя оное съ личностями своихъ вождей; то лица, не заинтересованныя въ этихъ личностяхъ, составили свою самостоятельную партію, поставившую своею цѣлью защиту одного православія безъ отношенія къ тѣмъ или другимъ его официальнымъ представителямъ. Это послужило сигналомъ къ образованію множества новыхъ партій, которыя, по самымъ ничтожнымъ причинамъ, или выдѣлялись изъ существовавшихъ уже партій, или сформировывались вновь изъ индифферентной толпы. Словомъ, діонская унія усѣяла восточную имперію драконовыми зубами, изъ которыхъ возникла борьба всѣхъ противъ всѣхъ (2).

(1) Пахм. стр. 370.

(2) Вотъ какъ описываетъ Пахимъ тогдашнее состояніе константинопольской церкви: „съ того времени (со времени провозглашенія діонской унии) церковныя дѣла пришли въ совершенное разстройство,

Тяжеле всѣхъ въ этой перекрестной борьбѣ было положеніе народа, надъ которымъ пробовали свои силы и средства всѣ партіи. Онъ рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать, кого слушать, къ кому пристать. Правительство съ высшею церковною и чиновною іерархіею приглашало его къ униі съ Римомъ; его симпатіи тянули его на сторону ея противниковъ; но эти противники сами раздѣлялись на нѣсколько враждебныхъ лагерей, позорили и интриговали другъ друга... И мудрено ли, что бѣдный народъ шелъ за кѣмъ ни попало — и за іосифитами, и за арсенитами, и за Акакіемъ фригійскимъ (1) и другими темными вожаками...

Это дѣленіе партій, угрожавшее идти въ безконеч-

люди начали чуждаться другъ друга и, между тѣмъ какъ одни желали общенія въ Божественныхъ собраніяхъ, другіе говорили: „не прикасайся ниже оснжи“, и отчужденіе простиралось до того, что не хотѣли ни изъ одной посуды пить, ни вмѣстѣ разговаривать. Раздѣленіе увеличивалось съ каждымъ днемъ, и съ тѣмъ кто сходилъ вчера, отъ того отворачивался сегодня. Какъ больной желудкомъ, подвергаясь сверхъ того какойнибудь новой болѣзни, двойнѣ страдаетъ и чувствуетъ, что первая болѣзнь, отъ ея столкновенія съ другою, еще болѣе усиливается, особенно, если онѣ столь различны, что лекарство, служащее къ облегченію первой, дѣйствуетъ на другую противоположно и ослабляетъ больного: такъ точно было тогда и съ церковію Божіею. Претерпѣвая довольно зла отъ раскола арсенитовъ, она испытывала теперь еще другое зло, и притомъ такъ, что обѣ эти болѣзни, терзавшія великое и прежде здоровое тѣло церкви, когда бы стали ты разсматривать ихъ отдѣльно, не только сами по себѣ — величайшее зло, но и несродны одна съ другою. Тѣ самые люди, которые одинаково несогласны были со всякою другою партіею, разногласили еще и между собою, и способствовали умноженію раздѣленій—одни такъ, другіе иначе, одни просто, другіе съ большею ревностію“, стр. 369, 370. Св. Григоры, стр. 119—122, 153—155.

(1) Кто былъ этотъ Акакій фригійскій, равно какъ и его ученикъ Германъ, во главѣ какой партіи они стояли, и чѣмъ эта партія отличалась отъ другихъ, мы не знаемъ. Въ исторіи Пахамера они появляются одинъ только разъ, именно въ собраніи представителей всѣхъ партій,—на которомъ императоръ говорилъ свою приточную рѣчь, убажывая раскольниковъ къ миру съ церковію словами параволики Ихизата (Пахам. стр. 427, 428)—и за тѣмъ исчезаютъ навсегда.

ность и осложненіемъ интриги окончательно запутать внутреннія дѣла имперіи, не могло не озабочивать императора и его патріарха. Но пока борьба ограничивалась внутренними — домашними, такъ сказать, предѣлами, они удерживались отъ радикальныхъ мѣръ, вѣроятно въ предположеніи, что порожденія драконовыхъ зубовъ пожрутъ другъ друга сами. Три года ограничивались они лишь наблюденіемъ за этой борьбой и косвеннымъ заправленіемъ ея, прибѣгая къ рѣшительнымъ мѣрамъ только изрѣдка, въ единичныхъ случаяхъ. Не позволяя себѣ измѣнить этой системѣ и тогда, когда начали появляться анонимныя сочиненія, направленные противъ уни (¹), ни даже тогда, когда фанатизмъ ея противниковъ выразился въ такихъ крайнихъ формахъ, какъ поруганіе святыни православныхъ храмовъ (²).

Но не нужно было обладать даромъ пророчества для того, чтобы предсказать, что игра въ интриги не ограничится внутренними предѣлами имперіи. Она слишкомъ энергично велась, слишкомъ широко раскинулась, слишкомъ много самыхъ разнообразныхъ интересовъ затронула, слишкомъ много низкихъ страстей разшевелила, слишкомъ много всякой грязи со дна народной жизни подняла, чтобы ограничиться такими тѣсными, сравнительно, предѣлами. Она должна была выйти за эти предѣлы ужъ по тому одному, что виѣшнія отношенія имперіи составляли самое больное мѣсто императора, — ударъ, нанесенный ему съ этой стороны, былъ бы особенно тяжелъ и чувствителенъ для него, — и потому не мы-

(¹) Пахим. стр. 384—385.

(²) Пахим. стр. 227. „Эти люди (противники уни) стали гнущаться и нашими (православными) священными предметами и бросали ихъ то въ рывины, то въ рѣки, то на горы, какъ вещи невзслуживающія никакого уваженія, и чрезъ то препятствовали ходу вѣры“.

слимо, чтобы многочисленные и разнородные противники его устояли противъ искушенія—уязвить его съ этой стороны. Не дремали съ своей стороны и внѣшніе враги имперіи.

Но первый ударъ съ этой стороны былъ нанесенъ императору, не внѣшними, а внутренними врагами, не посторонними, а домашними, не чужими, а родными. Рука, нанесшая ему этотъ ударъ, принадлежала его родной сестрѣ, извѣстной уже намъ Евлогіи.

Въ началѣ 1274 г., когда императоръ, рѣшившись принять участіе въ ліонскомъ соборѣ, объявилъ объ этомъ своему духовенству и настоятельно потребовалъ его согласія на предполагаемую унію, она открыто стала въ ряды оппозиціи и съ тѣхъ поръ принимала близкое участіе во всѣхъ ея дѣйствіяхъ—неоднократно присутствовала на явныхъ и тайныхъ засѣданіяхъ противниковъ уніи и старалась поддерживать ихъ энергію всѣми зависящими отъ нея средствами. Партія іосифитовъ имѣла въ ней самаго энергическаго и дѣятельнаго сочлена (1).

Но не любовь къ православію,—хотя она и старалась выставлять ее единственнымъ мотивомъ своихъ дѣйствій,—не слабость прослыть ученой богословкой—хотя она и не чужда была этой слабости,—не страсть къ интригамъ—хотя съ этой стороны она не знала себѣ соперницы,—а жажда мести заставила ее вступить въ опасную борьбу съ своимъ братомъ, къ которому до сихъ поръ питала такую нѣжную привязанность, для котораго такъ много сдѣлала, и котораго характеръ и принципы ей были извѣстнѣе, чѣмъ кому либо. Эта гордая, злая, властолюбивая женщина считала себя

(1) Пахив., стр. 348—349.

оскорбленною въ своихъ чувствахъ матери и, становясь въ ряды оппозиціи, мстила тѣмъ за поруганныя права своей дочери. Дѣло въ томъ, что за два года предъ тѣмъ—именно въ 1272 году—ея братъ императоръ изъ политическихъ расчетовъ выдалъ дочь ея Марію — съ согласія, впрочемъ, невѣсты и ея матери, — за болгарскаго короля Константина Тиха (1), обѣщавшись уступить за нею, въ видѣ приданого, города Месемврію и Анхіалъ (принадлежавшіе прежде болгарамъ). Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы; Константинъ потребовалъ городовъ; но императоръ, желая, по его словамъ, почтить этимъ даромъ племянницу въ лицѣ ея потомства, отложилъ передачу ихъ впредь до рожденія Марією сына или дочери. Прошелъ годъ; у Маріи родился сынъ; но императоръ нашелъ какой-то новый предлогъ къ отсрочкѣ, изъ котораго Константинъ и его жена должны были заключать, что онъ и не думалъ уступать обѣщанныхъ городовъ. Ярость обманутой женщины не знала предѣловъ,—она неотступно стала докучать своему мужу просьбами „нарушить мирныя условія съ царемъ, объявить войну и требовать городовъ“ (2), и до тѣхъ поръ не успокоилась, пока Константинъ въ началѣ 1274 года дѣйствительно не вторгся въ предѣлы имперіи и не овладѣлъ не только Месемврію и Анхіаломъ, но и Агаѳіополемъ, Созополемъ, Костричиномъ и нѣкоторыми другими пограничными крѣпостями.

(1) Того самаго, который раньше былъ женатъ на старшей дочери императора Феодора Ласкариса II Прицъ и часто тревожилъ имперію своими вторженіями въ ея предѣлы, по просьбамъ своей жены, вѣдшей Палеологу за ослабленіе своего брата—Іоанна. Въ 1272 г. она скончалась и императоръ посвѣшилъ связать руки безпокойному сосѣду родственнымъ съ нимъ союзомъ.

(2) Нахим., стр. 316.

Озлобленіе дочери сообщилось и матери, и вотъ въ то время, когда ея зять бралъ одну за другою означенныя крѣпости, она, какъ бы для подкрѣпленія его требованій, объявила своему брату войну на поприщѣ церковномъ. Долго связь между политической интригой племянницы и церковной оппозиціей сестры оставалась тайною для императора, пока, наконецъ, не удалось ему, уже въ 1279 году, овладѣть особою болгарской королевы и разоблачить всѣ нити замѣчательной, по своей смѣлости и обширности, церковно-политической интриги, въ которой мать оказалась столько же замѣшанною, какъ и дочь (1). Старая ин-

(1) Главная роль въ этой интригѣ принадлежала Маріи. Посредниками между обѣими интригантками служили монахи. Узнавая отъ нихъ о „презрѣніи“ императора къ своей матери, Марія „старалась сдѣлать ему столько же зла, чѣмъ сколько можно было ожидать отъ женщины“. „Она отправляетъ посольство въ палестину и, чрезъ избраннаго для этой цѣли Иосифа, называемаго также Каваромъ, въ сопровожденіи другихъ, съ одной стороны открываетъ азіискіи (іерусалимскіи) патріарху все, что содѣлалъ царь, съ другой—распознаетъ султана къ возстанію за царя (Михаила); такъ чтобы султану оттуда, а болгарамъ отсюда сойтись въ его земляхъ и разорить ихъ; ибо царь, какъ нарушитель данной Богомъ вѣры, ненавиденъ Ему, и ничто столько не привлекаетъ на людей Его гнѣвъ, какъ нарушение древле откровеннаго Писанія ученія (Дочь, очевидно, вошла отлично въ роль матери и столь же ловко владѣетъ всеоружіемъ православія). Патріархъ эти рассказы пословъ Маріинныхъ почиталъ очень вѣроятными; потому что подобные слухи доходили до него и отъ другихъ. Стало быть, посольство это, если не смотрѣть на преувеличеніе дѣла, представлялось ему говорившимъ правду, и онъ уже не входилъ въ намѣренія того, отъ кого оно было прислано; даже съ своей стороны удостоверялъ пословъ, что если бы александрійскій (патріархъ) Аванасій и антиохійскій Еввеній пришли къ единомыслию съ царемъ, — онъ будетъ дѣйствовать и одинъ. А что касается султана, то для него болгарское посольство было явленіемъ вовсе неожиданнымъ; да и предшествовавшіе ему правители Египта не видавали подобнаго. Притомъ народъ болгарскій не пользовался такою славой, чтобы можно было возводить его на степень государства. По этому послы показались султану подозрительными, и онъ отпустилъ ихъ молча“. Пахля, стр. 305—306.

тригантка Евлогія поплатилась заключеніемъ въ крѣ-
пость (1).

Примѣръ сестры и племянницы императора поощри-
тельно подѣйствовалъ и на другихъ его противниковъ.
И вотъ одни изъ нихъ спѣшили завязать сношенія съ
его политическими врагами, другіе — поссорить его
съ политическими друзьями и союзниками; первые, въ
сопровожденіи многочисленной толпы, бѣжали къ деспоту
эпирскому, владѣтелю (Дуксу) Патрасскому, Севастокра-
тору, Іоанну Батардѣ, императору Трапезундскому (2)
и др. съ предложеніемъ своихъ услугъ; послѣдніе дали
понять папѣ чрезъ его агентовъ, что миръ церковей
(провозглашенный ліонской уніей) есть ничто иное,
какъ забавная шутка. И когда происки тѣхъ и другихъ
не замедлили увѣнчаться успѣхомъ, когда севастокра-
торъ Іоаннъ взялся за оружіе, чтобы, пользуясь внут-
ренними затрудненіями имперіи, увеличить на ея счетъ

Между тѣмъ предположеніе іерусалимскаго патріарха о томъ, что
патріархи александрійскій и антиохійскій войдутъ въ единомысліе съ
царемъ, до извѣстной степени оправдалось. Антиохійскій патріархъ въ
это время искалъ убѣжища въ Константинополѣ отъ преслѣдованій
армянскаго царя и ему было не до комplotsъ противъ императора,
радушно предложившаго ему свое гостепріимство и защиту. Въ подоб-
номъ же положеніи находился и александрійскій патріархъ: „Взошедши
на престолъ уже послѣ описанныхъ выше событій (т. е. сопровождав-
шихъ введеніе уніи, — что впрочемъ несправедливо, такъ какъ Афанасій
взошелъ на александрійскій патріаршій престолъ въ 1270 г. и слѣд.
еще до формальнаго провозглашенія уніи), онъ не хотѣлъ пересмат-
ривать то, что состоялось прежде, и, почитая это дѣломъ къ себѣ не
относящимся, былъ спокоенъ. Спрашивать его — не спрашивали; а самъ
онъ извѣщалъ себя тѣмъ, что, живя между безбожниками и перенося
много оскорбленій, прибѣгалъ къ царю, будто въ пристань, и потому,
узнавъ о новыхъ постановленіяхъ церкви, считалъ нужнымъ молчать“.
Пахн. стр. 397.

Но и іерусалимскій патріархъ, не смотря на свою похвалѣбу, ровно
ничего не сдѣлалъ.

(1) Pachym. Andronicus Palaeol. lib. 1, c. 2, p. 12, ed. Venet.

(2) Григор., стр. 121.

свои владѣнія, когда императоръ Трапезундскій и деспотъ эпирскій, подъ предлогомъ защиты православія, стали явно поддерживать и поощрять эмиграцію, когда, наконецъ, папа прислалъ въ 1279 г. посольство въ Константинополь съ порученіемъ „освѣдомиться на мѣстѣ, какъ исполняются греческимъ императоромъ обязательства, возложенныя на него уніей“, то императоръ понялъ, что путемъ интригъ не сломить оппозиціи, и что нужно подумать о другихъ, болѣе дѣйствительныхъ средствахъ.

Съ этихъ поръ начинается отчаянная борьба между императоромъ и оппозиціей, борьба, ознаменованная самыми крайними проявленіями жестокости съ одной стороны и фанатизма съ другой, — борьба, окончательно испортившая отношеніе между императоромъ и народомъ, омрачившая послѣдніе годы замѣчательно счастливаго царствованія, отравившая остатокъ жизни императора, разстроившая имперію матеріально и испортившая народонаселеніе морально. Императоръ и его патріархъ обнаружили въ этой борьбѣ необыкновенную дѣятельность, ловкость и энергію, не говоря уже о громадныхъ матеріальныхъ средствахъ, пущенныхъ ими въ ходъ для обезпеченія успѣха. И при всемъ томъ борьба кончилась полнѣйшимъ пораженіемъ и позоромъ для обоихъ. Какой урокъ для тѣхъ экспериментаторовъ надъ народной жизнью, которые усиливаются навязать народу то, противъ чего возмущаются всѣ его инстинкты и протестуетъ его исторія.

Заплативши послѣднюю дань выжидательной системѣ рѣчью къ вождямъ враждебныхъ партій, прозвучавшей среди такой же зловѣщей тишины, какъ и знаменитая рѣчь его съ дворцоваго балкона по низложеніи Арсенія, императоръ круто повернулъ на болѣе свойственный

его натурѣ и привычкамъ путь насилій. „По волѣ царя, оно (насиліе) употреблено было во многихъ и разнообразныхъ формахъ: лишеніе состоянія, ссылка, тюрьма, ослѣпленіе, бичи, отсѣченіе рукъ,—вообще употреблено было все, чрезъ что только узнають, мужественъ—ли кто, или малодушень“ (1). Тюрьмы, крѣпости, острова греческаго Архипелага и Мраморнаго моря, города малоазійскихъ греческихъ областей наполнились заключенными и изгнанными (2). Сотни семействъ были пущены по—міру; сотни людей были изувѣчены на всю жизнь; другія сотни не пережили своего увѣчья.

На ряду съ этими гражданскими казнями шли мѣры церковныя. Патріархъ неумолимо писалъ въ защиту уніи (3), собиралъ соборы (4), отлучалъ отъ церкви.

(1) Григор., стр. 121.

(2) *Kai πάντες φοβάδες, καὶ μεταλλάσαι γυμνάσιον, ὅσοι μὲν πεπώκειτο τὸ τῆς ἀνατροπῆς θέλημα τῆς αἰρέσεως ἐκεῖνο πόνον. Καὶ διερχόμενοι μὲν οὐσίαι. Ἐξενοχωροῦντο τὰ δεσποτήσια τῶν πληθει τῶν καταλείψου, καὶ πάντα θορόβη, καὶ ταραχῆς ἐκλήρωθησαν,* говоритъ авторъ жизни патріарха Аванасія у Аллѣсія. Vid. De ecclesiae Occident. et Orient. perpetua consensione. lib. II, c. XV. § VII. col. 759.

(3) До нашего времени сохранились слѣд. сочиненія Векка въ защиту уніи: а) *περὶ τῆς ἐνώσεως καὶ εἰρήνης τῶν τῆς παλαιᾶς καὶ νεωτέρας ἐκκλησιῶν*; б) *τρεῖς συναδικίαι*; γ) *Ἀπολογία*; δ) *Ἐπιτομαὶ*; ε) *ῥήσεις γραφικαί*; ж) *ἡ διαθήκη η) ἐπιστολαὶ (τρεις) πρὸς τὸν Συρδαίαν Θεόδωρον*; ι) *τῶν πρὸς Κωνσταντῖνον (4 книги)*; κ) *εἰς τὸν τόμον τοῦ κοπιε κατὰ τῶν νεορανῶν αἰρέσεων αὐτοῦ σχεδιασθεὶς (λόγοι β)*; λ) *Ἀντιροτικὰ τῶν ἐπὶ ταῖς περὶ τοῦ ἁγίου Πνεύματος γραφικαῖς χρήσεσι ἐπιτασιῶν κυρίως Ἀνδρονίκου τοῦ Καματήρου ὀνομαζομένου τῆς βυζαντίας*; μ) *Ἐπιστολὴ πρὸς τὸν Ἀγγλιανόν κύριον Ἀλέξιον τῆς μεγάλης Ἐκκλησίας διάκονον.* Всѣ эти сочиненія изданы отчасти Аркудіемъ въ его сборникъ подъ названіемъ: *Opuscula aenea theologica.* Romae. MDCXXX, p. 4 — 159; частью Аллѣдіемъ въ *Grassiae Orthodoxae.* Romae 1652 t. I. II, частью Лэммеромъ въ *Scriptorium graeciae orthodoxae bibliotheca selecta.* Friburgi Brisgovine. MDCCCLXIV t. I, p. 189—652. Въ сборникъ Лэммера помѣщены первыя шесть изъ поименованныхъ выше сочиненій Векка, и каждому отдѣльному сочиненію предпослано *Monitum*, звакомѣющее читателя съ исторіей и задачей сочиненія. Въ *Monitum*, предпосланномъ всѣмъ вообще сочиненіямъ Векка, помѣщеннымъ къ сборникъ, даются краткія свѣдѣнія о лицѣ и судьбѣ автора.

(4) Пахим. стр., 441. Въ письмъ Векка къ папѣ Іоанну XIX

Но тѣ и другія мѣры вели къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Апологетическія сочиненія Векка лишь умножали число полемическихъ сочиненій противъ уніи (¹), своимъ крайне раздражительнымъ тономъ ясно показывавшія, что оппозиція ей не только не ослабѣваетъ, но и усиливается. На соборы патріарха его противники отвѣчали соборами, на отлученія — отлученіями (²).

Мѣры императорскія сопровождались еще болѣе печальными результатами. Онѣ увеличили озлобленіе и дерзость противниковъ: „въ обличеніе злоупотребленій властію стала выползать наружу говорливая смѣлость людей свободныхъ: начали появляться сочиненія, направленные уже прямо противъ личности императора (³)“. Внутренняя и виѣшняя интрига приняла болѣе широкіе и злокачественные размѣры. Сдѣлана была попытка поссорить императора съ его патріархомъ (⁴), — что,

отъ 1277 г. (у Ляббея Concilior. t. XI, col. 1033) упоминается о константинопольскомъ соборѣ, бывшемъ въ этомъ году подъ предѣдательствомъ Векка и о признаніи на немъ главенства папы всеми присутствующими. Въ XI же томѣ сборника соборовъ Ляббея помѣщены акты другаго константинопольскаго собора, бывшаго въ 1280 г. по поводу зловѣренной порчи одного мѣста въ твореніяхъ св. Григорія Нисскаго. Опрежденіе (*Схизма*) этого собора перепечатано въ сборникѣ Лэмера (р. 411--422).

(¹) Пахим., стр. 384, 440 и 442.

(²) Въ 1278 г. у севастократора Іоанна Батарды, владѣтеля Патръ, былъ церковный соборъ, на которомъ присутствовало 8 епископовъ, нѣсколько игуменовъ и до ста монаховъ, болѣею частію эмигрировавшихъ изъ Константинополя и другихъ мѣстъ имперіи, и произведена была анаѣма на унію и ея приверженцевъ. Vid. Annal. Raynaldi, ad an. 1278, n. 13—14.

(³) Пахим., стр. 454. Онѣ назывались *раслоурѣра* (сочиненія, написанныя противъ царя). Къ сожалѣнію все эти памфлеты впоследствии были сожжены на соборѣ въ Атрумитѣ 1283 г., а они, вѣроятно, объяснили бы намъ многое въ событіяхъ того времени.

(⁴) Пахим., стр. 417. Душею интриги противъ Векка оказался ду-

при ревности къ своей власти со стороны первого (1) и довольно безтактной назойливости со стороны послѣдняго (2), — оказалось вовсе не труднымъ и едва

ховнигъ императорскій, Исаакъ, епископъ ефесскій, который, по словамъ нашего историка, „не имѣлъ причины ненавидѣть патріарха, а только хотѣлъ сдѣлать пріятное державному (которому Веккъ успѣлъ уже надобѣть своею настойчивостью)“.

(1) Корововавши своего сына Андроника и провозгласивши его своимъ соправителемъ въ 1272 г., императоръ сначала велѣлъ было сдѣлать для него жезлъ въ родѣ того, который носилъ самъ олъ. „Но потомъ ему показалось иначе: такъ какъ власть одна, а жезлъ есть символъ власти; то надобно, чтобы и жезлъ былъ одинъ, и жезлъ сына отъиенить“ (Пахим., стр. 294).

Иногда эта ревность къ своей власти выражалась довольно комично. Патріархъ Іосифъ, бывшій уже въ весьма преклонныхъ лѣтахъ, ожидая смерти, составилъ духовное завѣщаніе. Обычай и этикетъ требовали, чтобы въ завѣщаніе включена была молитва за царствующаго императора. Молитва была включена, но изъ царскаго титула опущенъ былъ зпитеть *ἅγιος* (святій), „который обыкновенно носили цари муропомазанные“. Когда завѣщаніе въ такомъ видѣ прислано было къ императору, онъ пришелъ въ негодование и тотчасъ же написалъ и патріарху, написалъ и начальнику города (Іосифъ жилъ тогда на островѣ Халгъ), чтобы онъ спросилъ и узналъ, какъ это случилось, что отъ царскаго его титула отнято слово *ἅγιος*. Не считаетъ ли меня Іосифъ не достойнымъ святости, говорилъ царь, что такъ пишеть? Написано было объ этомъ и антиохійскому патріарху Принкипу. Тѣ послали спросить Іосифа о причинѣ, по которой онъ такъ написалъ, и говорили, что спрашиваютъ по желанію царя; а Іосифъ причину этого сложилъ на окружающихъ его монаховъ, и въ доказательство представлялъ другой, точно такой же экземпляръ, только съ прибавленіемъ *святости*. „Объявивъ этотъ подлинный документъ, онъ сказалъ, чтобы сняли съ него копію; но монахи соблазнились пизъ и сообщили ему такой видъ, въ какомъ онъ перешелъ въ руки царя“. Императоръ покалъ, что зашелъ слишкомъ далеко въ своей подозрительности и велѣлъ прекратить это дѣло, показавши видъ, „что дѣлалъ розыски ради смѣха, а не серьезно“ (Пахим., стр. 468—469).

(2) У Пахимера приведено два случая, дающіе понятіе объ этой особенноти въ характерѣ Векка. Вотъ одинъ изъ этихъ случаевъ: „однажды въ знойное время лѣта, въ самый полдень, державный, проснувшись отъ послѣобѣденнаго сна, сидѣлъ на террасѣ и прохлаждался. Недалеко оттуда, въ сторонѣ, сидѣлъ и патріархъ, ожидая, пока онъ проснется, чтобы тотчасъ подойти къ нему. Наконецъ подошелъ онъ и сталъ ходатайствовать за человека, который, какъ ему сдѣбалось извѣстно, обвинень былъ несправедливо. Но, думая о томъ человекѣ не хорошо, царь

было не повело къ серьёзной размолвкѣ между ними къ великому удовольствію оппозиціи (1). Умножились зловерные толки, дерзость нѣкоторыхъ фанатиковъ дошла до того, что открыто, въ глаза одинъ изъ нихъ

не соглашался помиловать его. Настойчивость съ той и другой стороны была такова, что могла смутить и сторонняго слушателя. Между тѣмъ дѣло не оканчивалось: напротивъ патріархъ, какъ ходатай за правду, разгорался еще большею ревностью и все смѣлѣе приступалъ къ царю съ просьбою; а царь, у котораго непріятное чувство къ защищаемому обратилось уже на защищавшаго, сталъ приходить въ раздраженіе. Одинъ просилъ, а другой не соглашался, тотъ настойчиво умолялъ, а этотъ тѣмъ болѣе ожесточался, первый говорилъ, что обвиняемый несправедливо потерпитъ наказаніе, а послѣдній не обращалъ на это вниманія. Наконецъ патріархъ объявилъ, что будетъ дѣйствовать рѣшительно, если царь не послушаетъ его, а царь отвѣчалъ, что никакъ не проститъ, чтобы онъ ни дѣлалъ. Тогда іерей вскипѣлъ ревностію, и сказалъ: „что же это? Чѣмъ архіереи лучше поваровъ и конюховъ, которые необходимо повинуются вамъ во всемъ, чего ни захотите“. И, сказавъ это, бросилъ смеловъ патріаршей власти—жезлъ, упавшій прямо къ ногамъ царя, а самъ всталъ и со всѣхъ ногъ побѣжалъ вонъ. Видя, что это дѣло не ладное, царь всталъ молча; а патріархъ, не смотря на то, что его удерживали, и что многіе, одни за другими, посланные царемъ, просили возвратиться, утѣряя, что царя очень оторчить это,—ничего не слушалъ; но пошелъ пѣшкомъ и зашелъ въ соседній монастырь, показавъ самымъ дѣломъ, какъ была велика ревность его и какъ „не обращалъ онъ вниманія на лицо, когда требовалъ угоднаго Богу“. Пахм., стр. 375—376.

Императоръ потомъ жаловался своимъ приближеннымъ, что „патріархъ часто бываетъ упоренъ, не вѣритъ никакому посреднику и, по своей недоверчивости, требуетъ непрестаннаго свиданія съ нимъ, что пѣходя обезпокоиваемый его добуками, я чувствую то же, что чувствуютъ сытые люди, когда предлагаютъ имъ множество блюдъ. Какъ эти досаждаютъ, когда не могутъ отдѣлаться отъ предлагаемаго, такъ досадно и мнѣ, когда патріархъ ежедневно докладываетъ о множествѣ дѣлъ, и притомъ не на бумагѣ, а лично; такъ что по всякому предмету приходится заводить съ нимъ споръ и съ неудовольствіемъ оскорблять его достоинство отказами; а между тѣмъ дѣла нацываютъ и съ другихъ сторонъ и развлекаютъ вниманіе уха царскаго. Чтобы избѣгнуть такого затрудненія, царю внушилъ избрать изъ семи дней одинъ и назначить его для сношеній съ патріархомъ“. Пахм., стр. 377—378.

(1) Пахм., стр. 420—425.

дерзнулъ назвать его Юліаномъ отступникомъ (1). Лучшие сановники, люди благодѣтельствованные императоромъ и даже состоявшіе въ родствѣ съ нимъ, отказывались служить ему (2). Ближайшіе его родные, его сестры, племянники и племянницы строили противъ него и домашніе и политическіе ковы (3). Даже на своего сына и наслѣдника престола Андроника онъ не могъ безусловно положиться (4).

(1) Это былъ монахъ изъ монастыря св. и праведнаго Лазаря, Мелетій, по прозванію святой (*ὁ τῆ ἁγίας*); за это ему отрѣзали языкъ. Другой монахъ Галесійскаго монастыря, (вѣроятно, арсеній) по имени Галактіонъ, распустилъ молву, будто бы видѣлъ собственными глазами, что императоръ въ свой объездъ восточныхъ провинцій причащался опрѣсноками. Этого лишили зрѣнія. Vid. Pashum. Andronicus Palaeolog. ed. Venet. p. 12—13.

(2) Такъ напр. логоветъ общихъ дѣлъ Константинъ Акрополитъ (сынъ великаго логовста Георгія Акрополита), еще мальчикомъ взятый ко двору и здѣсь получившій воспитаніе вмѣстѣ съ наслѣдникомъ престола, Андроникомъ, подъ личнымъ наблюденіемъ императора, и внучерній Феодоръ Музалонъ отказались, по не сочувствію къ уніи, отправиться послами въ Римъ въ 1280 г.,—за что первый изъ нихъ былъ удаленъ отъ двора, а второй, кромя удаленія отъ всѣхъ дѣлъ, былъ жестоко избитъ палками своимъ роднымъ братомъ, по приказанію императора. Пах., стр. 458.

(3) Племянникъ императора Андроникъ Тарханіогъ, старшій сынъ его сестры Марыи, еще въ 1270 г., будучи губернаторомъ адрианопольской провинціи (*Ἄδρια*), подговорилъ татаръ сдѣлать нападеніе на вѣрненную ему провинцію, и, пользуясь происшедшею при семъ суматохою, бѣжалъ вмѣстѣ со своей женой къ тестю своему, владѣтелю патраскому, Іоанну Ангелу—Батардѣ, одному изъ самыхъ беспокойныхъ сосѣдей имперіи. Живя у своего тестя, онъ принималъ потомъ дѣятельное участіе въ его предпріятіяхъ противъ имперіи (Пах., стр. 298). Племянница императора, жена Рауля, старшая дочь Евлогіи, была замѣшана въ интригу своей матери и сестры, королевы болгаркею, и вмѣстѣ съ первою заключена была въ крѣпость св. Григорія въ 1280 г. Pashum. Andron. Palaeol. p. 6.

(4) Андроникъ дѣйствительно держалъ себѣ весьма двусмысленно относительно уніи: писалъ, или по крайней мѣрѣ подписывалъ весьма почтительныя письма къ папѣ, и потомъ по смерти своего отца торжественно объявилъ, что все это онъ дѣлалъ нехотя, исполняя лишь волю отца. Vid. Andron. Palaeol. lib. I, c. II, p. 11—12, lib. VI, c. II, p. 177, см. Пахим., стр. 461—463.

Ожесточеніе оппозиціи въ свою очередь усиливало раздраженіе императора и вызывало его на большія жестокости. Встрѣчая всюду то прямое, то косвенное сопротивленіе и даже противодѣйствіе своимъ планамъ, потерявши вѣру во всѣхъ и все, изстуженный дикими мыслями и подозрѣніями, онъ производилъ ужасы, ... такъ что, по словамъ историка-очевидца, „сдѣланное имъ въ послѣдніе годы своей жизни стоило бы описать не чернилами, а слезами“.... Никому не было пощады. Ни знатность рода, ни государственныя заслуги, ни кровное родство съ царствующимъ домомъ, — ничто не спасало отъ его гнѣва (1).

Особенно лютъ былъ гнѣвъ императора на духовныхъ (2) и на монаховъ. Съ искреннимъ или притворнымъ сожалѣніемъ, онъ неоднократно говаривалъ, что, „прослывъ съ дѣтства другомъ монашества, доведенъ теперь до необходимости ненавидѣть монаховъ за враждебное ихъ къ себѣ расположеніе. Монахи въ свою очередь платили ему откровенностью за откровенность:

(1) Изъ многочисленныхъ жертвъ лютой Михаила мы должны назвать здѣсь его близкихъ родственниковъ и знатнѣйшихъ особъ имперіи, протостратора Андроника Палеолога (родственникъ императора), виночерпца Манупла Раули (зять его сестры Евлогіи), брата его Исаака и родного племянника протостратора Іоанна Палеолога. Всѣ эти знатныя лица послѣ долгихъ томленій въ темницѣ (Пахим., стр. 423—424) и жестокихъ истязаній лишены были зрѣнія (Пахим., стр. 447. Кроме протостратора Андроника, который умеръ раньше въ темницѣ). Всѣмъ этимъ истязаніямъ они подверглись за сопротивленіе уни, но въ то же время они были и ревностными арсенитами. Vid. Andron. Palaeologus. lib. III, c. VII, p. 120 ed. Venet.

Кромѣ поименованныхъ той же участи подверглись еще два арсенита — Лазарь Гаріанита, „человѣкъ достопочтенный“, и монахъ Магарій, „за свое незлобіе и простоту прозванный голубемъ“. Пахим., стр. 451—452. conf. Andronite. Palaeolog. l. IV, c. XXXIII, p. 211.

(2) Пахим., стр. 363, 455.

„они считали дни и часы его жизни, — когда наконецъ отъ него избавятся“ (1).

Всѣ свои жестокости императоръ оправдывалъ государственной необходимостью, приговаривая, что „не хорошо и несправедливо римлянамъ (грекамъ) управляться монашескими уставами, по которымъ преступленіе можно залажживать покаяніемъ“ (2).

Какой злой ироніей надъ нимъ самимъ должны были звучать эти слова!

Глубокіе, неизгладимые слѣды оставила эта ожесточенная борьба, какъ на личномъ характерѣ императора, такъ и на матеріальномъ и нравственномъ бытѣ имперіи. Императоръ сдѣлался мраченъ, крайне раздражителенъ и подозрителенъ (3), боязливъ и суевѣренъ (4). По цѣлымъ недѣлямъ не показывался онъ изъ своего дворца, боясь злого умысла противъ своей

(1) Пахим., стр. 451, 453.

(2) Пахим., стр. 453.

(3) „Царь дошелъ до такой раздражительности, что едва только доносили ему, что такой-то возмутился, за доносомъ тотчасъ же слѣдовала казнь: онъ вѣрилъ всякому, кто ни говорилъ, основываясь на подозрѣніяхъ, будто на достаточныхъ свидѣтельствахъ противъ (своихъ) поданныхъ“. Пахим., стр. 452.

(4) Одинъ тогдашній ученый, по имени Георгій Пахомій лишенъ былъ зрѣнія между прочимъ (формально осудили его за связь съ стратигопуломъ Михайломъ, заподозрѣннымъ въ домогательствѣ престола, — подозрѣніе основано было на ночныхъ бесѣдахъ его съ Пахоміемъ, какъ оказалось послѣ, имѣвшихъ чисто ученый характеръ; за свое имя, которое наводило на царя суевѣрный страхъ, и „о которомъ онъ слышалъ, какъ о магическомъ... такъ какъ оно содержало въ себѣ что-то злое, имя выразилось какое-то соответствующее ему *прорицаніе*. Итакъ желая избѣжать *предопредѣлений рока*, царь отдалъ приказъ ослѣпить этого человека. И вотъ тогда какъ Пахомій на своей родинѣ въ Македоніи, гдѣ давно ожидали его, былъ уже оплаканъ, какъ умершій, этотъ слѣпецъ бродилъ между людьми и возбуждалъ въ нихъ не столько жалость, сколько удивленіе, неужели и такіе люди могли подвергнуться подозрѣнію въ посягательствѣ на царствованіе“. Пахим., стр. 451.

особы; еще рѣже показывался онъ въ провинціяхъ; восточныя же провинціи за послѣдніе 3 года его жизни видѣли его только разъ и то не задолго до смерти.

Не порадовали онъ его въ этотъ послѣдній, какъ бы прощальный, объѣздъ ихъ. Мѣстности, за двадцать лѣтъ предъ тѣмъ, во дни блаженной памяти Ласкариса младшаго, находившіяся въ цвѣтушемъ состояніи, сдѣлались неузнаваемыми, — онъ оказались до того раззоренными и опустошенными, что изъ очей императора невольно полились горькія слезы.

И тѣмъ горчѣе должны были быть эти позднія слезы, что жалкое зрѣлище, ихъ вызвавшее, было подготовлено не врагами императора, а людьми, выдававшими себя за его вѣрныхъ и преданныхъ слугъ, пользовавшихся его полнымъ довѣріемъ. Это были губернаторы провинцій. Пользуясь печальнымъ недоразумѣніемъ между императоромъ и его народомъ, предполагая (что оказалось и справедливымъ), что, при постоянно возрастающемъ озлобленіи съ той и другой стороны, императоръ не посмѣетъ предпринять путешествія для обзора этихъ провинцій, переполненныхъ политическими и церковными агитаторами и ссыльными, они присвоивали себѣ деньги, предназначаемыя на содержаніе войскъ и укрѣпленій, продавали врагамъ имперіи ея тайны, позволяли себѣ возмутительныя насилія и самоуправство съ жителями, ввѣренными ихъ охранѣ и попеченію, и, чтобы скрыть свои безчестныя дѣйствія отъ императора, усыпить его бдительность, присылали самыя успокоительныя донесенія о благосостояніи провинцій, имъ ввѣренныхъ (1), и, вѣроятно,

(1) Пахм., стр. 464.
Христ. Чт. № 12.

не одинъ изъ нихъ прибѣгалъ къ способу племянника императорскаго, Андроника Тарханіота — накликалъ толпы татаръ, или сельджуковъ на ввѣренную себѣ провинцію, и, среди произведенной ими суматохи, скрывался вмѣстѣ съ награбленнымъ имуществомъ за границу. Не одиѣ восточныя провинціи находились въ такомъ плачевномъ состояніи. Не много было лучше и состояніе западныхъ (европейскихъ) и особенно пограничныхъ съ Болгаріей и Фессаліей. Благодаря постояннымъ эмиграціямъ и почти непрерывнымъ войнамъ съ болгарами, лазами и съ севастократоромъ Батардою, многолюдныя цѣюгда города обезлюдѣли, богатныя и цвѣтуція селенія опустѣли, поля и виноградники заросли сорными травами и дикими кустарниками. И среди этихъ пустырей бродили толпы лохмотниковъ, нищихъ, калѣкъ, монаховъ и монахинь, своими зловѣщими фигурами и рѣчами придававшихъ печальной картинѣ еще болѣе печальный видъ.

А кто исчислитъ и опредѣлитъ громадную сумму нравственнаго зла, порожденнаго разнузданностью грубыхъ инстинктовъ и страстей, развивавшихся и изощравшихся въ темныхъ ухищреніяхъ всякаго рода для достиженія своихъ эгоистическихъ цѣлей? Чѣмъ ожесточеннѣе была борьба партій, тѣмъ громаднѣе должна была быть сумма мелкихъ и крупныхъ интригъ, происковъ, лжи, коварства, измѣнъ, доносовъ, большихъ и малыхъ преступленій, неизбѣжно соединенныхъ съ борьбами такого рода, такъ что, соображая печальныя послѣдствія этой несчастной борьбы для народной нравственности, невольно соглашаешься съ суровымъ приговоромъ, произнесеннымъ надъ внутренней политикой

Михайла Финлеемъ, — дѣйствительно „онъ испортилъ свой народъ“ (1).

И теперь, проливая горькія слезы надъ опустошенными провинціями, проклиная безчестныхъ правителей, встрѣчая повсюду недоброжелательство, измѣну, коварство, онъ пожиналъ плоды горькихъ плевелъ, посвященныхъ его собственной державной рукой.

Вотъ чѣмъ разрѣшились никейскіе праздники, сулившіе возстановленіе древнихъ свободныхъ учрежденій и возвращеніе на землю золотого вѣка, подъ скипетромъ державнаго Палеолога.

Правы были вы, темные предвѣщатели (2)!

Но худшее было еще впереди. Вскорѣ онъ долженъ былъ убѣдиться, что раззорилъ и испортилъ свой народъ *напрасно*. Папа Мартинъ IV, по вступленіи на престолъ въ 1281 г., вмѣсто отвѣта на дружеское привѣтствіе императора, прислалъ ему анагемъ за неискренность отношеній къ уни.

Вѣсть о новомъ вторженіи севастократора Іоанна въ предѣлы имперіи, полученная вслѣдъ за тѣмъ, была уже излишней жестокостью со стороны судьбы.

Собравши послѣднія, надломленные уже тяжелой борьбой, силы, онъ отправился въ опустошаемыя неугомоннымъ врагомъ провинціи для отпора ему; но дни его были сочтены. Неумолимая смерть шла по его пятамъ, и 11 декабря 1282 г. не стало основателя династіи Палеологовъ.

За нѣсколько минутъ до смерти онъ спросилъ ок-

(1) History of the byzantine and greek empires. Edinburg and London. 1854, p. 463.

(2) Сх. Пахям., стр. 95—96.

ружавшихъ: „какъ называется мѣстность, на которой мы находимся?“ „Пахоміева“ — былъ отвѣтъ.

Такимъ образомъ „думая избѣжать опредѣленій рока, царь, однако же, не избѣжалъ ихъ,“ замѣчаетъ нашъ историкъ (¹).

Пигмеи сломили исполина и готовились признать свою побѣду на его одинокой могилѣ.

(Продолженіе будетъ)

И. Троицкій.

(¹) Пахим., стр. 451

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки